

Л.П. Веремчук

Алексис Токвиль о предыстории и причинах американской революции XVIII в.

L.P. Veremchuk

Alexis de Tocqueville about Events and Causes Which Lead to the American Revolution of the XVIIIth Century

Одной из центральных в творчестве Алексиса Токвиля стала проблема социальной революции, которую он исследовал на материале всех крупнейших событий революционного процесса своего времени, в том числе на фактах американской революции конца XVIII в. Значительное место в его концепции занимает стремление выявить предысторию этой революции и ее причины. Эта сторона воззрений ученого остается практически неисследованной. Ее анализу посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: революция, колонии, социум, Токвиль.

Одной из центральных проблем творчества известного французского историка первой половины XIX в. Алексиса Токвиля стала проблема социальной революции, которую он исследовал на материале всех крупнейших событий революционного процесса своего времени.

«Великая демократическая революция», как он называл этот процесс, воспринималась Токвилем как явление, охватывавшее весь христианский мир и находившее в каждой из его частей свое конкретно-историческое воплощение. Одной из таких форм стала Американская революция конца XVIII столетия, анализу содержания которой посвящены многие страницы книги об американской демократии, хотя проблема революции не являлась в ней центральной.

Эта сторона воззрений ученого остается практически неисследованной. Вместе с тем она составляет немаловажный элемент его общей исторической концепции, более того, содержит ряд положений, не утративших своего познавательного значения. Многие из тех проблем американской революционной истории, которые увидел и попытался решить Токвиль, оказались в центре внимания историков нашего времени [1–5].

В этом отношении следует остановить внимание на трактовке ученым предыстории и причин Американской революции и Войны за независимость США.

Главной из них ученый считал стремление североамериканских колоний Англии к политической

One of the pivotal problems in Alexis de Tocqueville's works is the problem of the social revolution. He studied the problem by examining all major events of the revolutionary process at his time, including the facts illustrated the American revolution of the late XVIIIth century. Developing his concept de Tocqueville made considerable efforts to describe events leading to the revolution and revealed its causes. This aspect of de Tocqueville's ideas has not been thoroughly studied. This article presents an attempt to analyze this part of de Tocqueville's works

Key words: revolution, colony, society, Tocqueville.

самостоятельности. В этой связи он констатировал тот факт, что над штатами довлела верховная политическая власть метрополии, управлявшей колониальным населением «по законам монархии» [6, с. 51].

Английское законодательство стояло на страже интересов крупного феодального землевладения, сословности, экономической и политической подчиненности североамериканских колоний власти британской короны. Стремление сломить «иго метрополии» привело в движение весь народ [6, с. 57, 63]. Эта причина борьбы колоний против Англии определила характер движения как национально-освободительного, как войны за независимость. Так и характеризовал его Токвиль [6, с. 57, 63, 102].

Однако помимо этой линии противостояния зависимых штатов и господствовавшей метрополии, исследователь выявил другую значимую линию конфронтации, состоявшую в конфликте нового демократического и старого аристократического начал в общественном и политическом строе самих колоний. В этой связи самое пристальное внимание он остановил на изучении того факта, что в начальный период колонизации корона максимально способствовала утверждению в своих заокеанских владениях феодальных общественно-экономических порядков с характерным для них наследственным, иерархическим дворянским землевладением.

Исследователь показал, что уже в начале колониального времени во многих штатах сформировались

крупные поместья феодального типа: «В большинстве штатов, расположенных на юго-западе от Гудзона, поселились богатые землевладельцы. Они принесли с собой аристократические принципы и вместе с ними – английские законы о наследовании» [6, с. 56]. Сознавая все своеобразие этой аристократии, ее отличие от европейского землевладельческого класса, то, что «она была слаба и не слишком живуча», Токвиль вместе с тем утверждал: «Тем не менее, крупные землевладельцы, жившие к югу от Гудзона, представляли собой высшее сословие, которому были свойственны особые убеждения и пристрастия, и которое становилось в центре политической жизни общества» [6, с. 57].

Это была та крупная феодальная землевладельческая аристократия, существование которой основывалось на взимании феодальной ренты как основном источнике доходов, монополии права на земельную собственность, наследовании земли на основе законов феодального права – права майората, соединении земельной собственности с политической властью. Ее единение основывалось на том корпоративном фамильном духе, который являл собой неотъемлемую черту крупного феодального землевладения. Имея в виду это явление, Токвиль писал: «Семья – это земля, которой она владеет, земля – это семья; земля увековечивает фамилию рода, его происхождение, его славу, его могущество и его добродетели. Она является бессмертным свидетелем прошлого и ценным залогом будущего существования семьи, рода» [6, с. 58].

Эта часть населения колоний являла собой высшее сословие, чьи собственность и права были защищены соответствующими законами. Вокруг него концентрировалась политическая жизнь колониального общества, из их числа формировалась колониальная администрация.

Вместе с тем исследователь отмечал, что утвердить старый порядок в своих заокеанских владениях в полном объеме британской короне так и не удалось. Выражая эту мысль, он писал: «Вначале здесь были приняты законы, устанавливающие социальную градацию, однако вскоре стало очевидным, что американская почва совсем не приемлет землевладельческую аристократию. Выяснилось, что для возделывания этой непокорной земли требовались постоянные и заинтересованные усилия самих владельцев. Выходило так, что даже если земельные участки и были обработаны наилучшим образом, все равно урожай был не настолько велик, чтобы обеспечить достаток одновременно как владельцу земли, так и самому фермеру. И земля попросту дробилась на небольшие владения, которые обрабатывали сами собственники» [6, с. 44–45]. По этой причине землевладельческая аристократия никогда не пользовалась в колониальных штатах «тем влиянием, каким располагает аристократия в Европе» [6, с. 56]. Аристократическая элита

в Америке была «весьма слабой уже в момент своего зарождения» [6, с. 60].

Разновидностью аристократического землевладения исследователь считал плантационное землевладение южных штатов, основанное на использовании труда рабов. Проблеме плантационного рабства посвящены многие аналитические размышления автора «Демократии в Америке». Они не оставляют сомнений в том, что этот социальный институт Токвиль не принимал, считал его несправедливым с моральной точки зрения и пагубным с точки зрения экономической [6, с. 266].

Ученый полагал, что рабство создает «зловещие проблемы» для штатов, давал в этом отношении самые мрачные, отчасти пророческие прогнозы [6, с. 261, 263–266], анализ которых уже представлен в исследовательской литературе [7, с. 48–56].

Не останавливаясь на характеристике всего содержания этой стороны воззрений Токвиля, отметим лишь, что плантационное рабство он оценивал как аристократическую социально-экономическую форму, противоположную демократической идее равенства общественных состояний. Ученый подчеркивал, что отношения поземельной собственности регулировались в рабовладельческих штатах той же системой феодального законодательства, включая в качестве основы право майората, которая призвана была обеспечить кастовость землевладения и в северных штатах.

Белокожее население Юга составляло привилегированное сословие, мало чем отличавшееся от феодальной аристократии Севера. Констатируя этот факт, исследователь писал: «На Юге Соединенных Штатов все белое население представляет собой аристократическое сословие, возглавляемое группой привилегированных людей, владеющих своим богатством в течение веков и из поколения в поколение ведущих праздный образ жизни. Эти люди были вождями американской аристократии, они представляли интересы своего сословия, хранили традиционные предрассудки белых, поддерживали представления о праздности как о деле чести. Среди этой аристократии можно было встретить бедных людей, но не трудящихся» [6, с. 258].

В противовес этим аристократическим началам в американском обществе с момента возникновения колоний зародилось и набирало силу новое буржуазное начало. «Все новые европейские колонии, – писал Токвиль, выражая эту мысль, – если и не являлись собой пример развитой демократии, то имели, по крайней мере, ее зачатки» [6, с. 44]. Наиболее значительных успехов достигли в этом отношении североамериканские колонии Англии: «Совершенно очевидно, – писал он об этом явлении, – что англичане в Новом Свете имеют огромный перевес над всеми остальными европейскими народами. Они ушли далеко вперед в культуре, промышленности и могуществе» [6, с. 294]. В английских колониях Северной Америки

особенно быстро и успешно шел процесс формирования новых общественных отношений. «Именно в северных английских колониях, более известных как штаты Новой Англии, – констатировал исследователь, – сформировались те два или три основных принципа, на которых сегодня основывается теория общественного развития Соединенных Штатов» [6, с. 46].

Исследователь обратил внимание на то обстоятельство, что само возникновение английских колоний в Новом Свете в определенном смысле явилось результатом развития буржуазных отношений, начавшегося в метрополии. Поток эмигрантов из Англии, хлынувших за океан в начале XVII в., состоял главным образом из представителей гонимых на родине новых социальных слоев, связанных с развитием капиталистических форм, руководствовавшихся новыми идеологическими установками, воплощенными в доктрине пуританизма. Выражая эту мысль, Токвиль утверждал: «Религиозные и политические страсти, раздиравшие Британскую империю в течение всего царствования Карла I, гнали на берега Американского континента все новых и новых сектантов. В Англии главный очаг пуританизма по-прежнему оставался среди людей, принадлежавших к среднему сословию» [6, с. 48].

Пуританизм Токвиль рассматривал не только как систему религиозных догм, но и как политическую доктрину, как форму идеологии новых общественных классов, которая формулировала их программы и побуждала к реализации этих программ. По его меткой оценке, «пуританизм был не только религиозной доктриной; по своим идеям это религиозное течение во многом смыкалось с самыми смелыми демократическими и республиканскими теориями» [6, с. 46].

Переселенцы привезли с собой в заокеанские земли новые ментальные установки и новый идеологический багаж. Эти установки и этот багаж включали в себя культ частной собственности, идеалы свободы предпринимательской деятельности и гражданского равенства. На новых землях эти идеалы осуществились в наиболее полной (для той эпохи) степени: «Население Новой Англии быстро увеличивалось, и в то время, когда сословная иерархия в метрополии все еще деспотически размежевывала людей, колония все больше и больше являла собой однородное во всех отношениях общество. Демократия, о какой античный мир не осмеливался даже мечтать, вырвалась из недр старого феодального общества во всем величии и во всеоружии» [6, с. 48].

Особенно быстро буржуазное начало развивалось в западных штатах, где влияние феодальных порядков ощущалось в значительно меньшей степени: «Именно в западных территориях развитие демократии достигло своего наивысшего уровня... Население этой части Американского континента, таким образом, избежало влияния не только знати или крупных богачей, но и так называемой аристократии от природы, то есть людей,

своим происхождением связанных с просвещением и добропорядочностью» [6, с. 59–60].

Токвиль подчеркивал, что уже в колониальный период основу североамериканского общества составляли средние слои, что придавало ему относительную однородность и устойчивость, что само по себе в его глазах являлось признаком демократического общественного строя [6, с. 48, 61]. Более того, в этом социуме оказался усреднен уровень интеллектуального развития; сложилось некое единообразное мировидение. «В этих условиях, – писал он, – в Соединенных Штатах установился некий средний уровень знаний, к которому все как-то приблизились: одни – поднимаясь до него, другие – опускаясь. В результате, здесь можно встретить огромную массу людей, у которых сложилось почти одинаковое понимание религии, истории, наук, политической экономии, законодательства, государственного устройства и управления» [6, с. 60].

В еще большей степени элементы нового получили развитие в политической жизни североамериканского общества собственно колониального периода. Характеризуя процесс формирования системы колониального управления, исследователь обращал внимание на то, что по способу заселения колонии подразделялись на три основных типа. Королевские (основанные короной), собственнические (основанные крупными английскими сеньорами) и корпоративные (основанные сообществами колонистов) [6, с. 48–49].

Соответственно этому различалось и их управление. В первых – исполнительная власть английских монархов осуществлялась губернаторами, назначаемыми короной и действовавшими в соответствии с ее прямыми распоряжениями. В двух других типах колониальных владений король передавал элементы исполнительной власти отдельным лицам или корпорациям, которые тоже осуществляли ее под жестким надзором и контролем со стороны королевского двора. Таким образом, управление колониями являло собой монархический тип власти, подчинявшийся принципам абсолютистского правления метрополии [6, с. 51].

Вместе с тем Токвиль выявил тот действительный факт, что наряду с этим монархическим принципом во всех трех типах колоний получила развитие и другая политическая тенденция – возникали и укреплялись начала представительного правления, выражавшиеся в административной деятельности выборных колониальных ассамблей. «Принципы представительного управления и внешние формы политической свободы, – утверждал Токвиль, – были известны во всех колониях практически с момента их зарождения. Эти принципы получили большее развитие на Севере, чем на Юге, но, тем не менее, в общем виде они существовали повсюду» [6, с. 49, прим.].

Со временем в политическом строе колоний получили распространение элементы конституционализма. Обращаясь к их характеристике, ученый справедливо

указывал на то обстоятельство, что в XVII в. в Европе эти принципы лишь начинали зарождаться. Большинство европейцев имело о них весьма смутное представление. Более или менее отчетливо они тогда обнаруживали себя в политической практике Великобритании; отсюда их заимствовали переселенцы начала колониального периода.

Именно в Новом Свете эти идеи получили широкое признание. Наиболее полно, по мнению ученого, они воплотились в административном строе Новой Англии. «Общие принципы построения современных конституций, – писал он, выражая эту мысль, – которые большинство европейцев XVII в. понимало с трудом, и которые лишь частично восторжествовали в тот период в Великобритании, были полностью признаны в Новой Англии и закреплены ее законами» [6, с. 51].

Там же широко вошли в практику общественной жизни принципы местного самоуправления [6, с. 44]. Королевская власть предоставила переселенцам «право самоуправления во всем, что не противоречило английским законам» [6, с. 49].

Имея в виду внедрение этих новых элементов в практическую политическую жизнь североамериканских штатов, Токвиль называл их основателей новаторами [6, с. 53], а формировавшуюся новую политическую культуру сравнивал с костром, зажженным на вершине холма и озарявшим своим светом весь далекий горизонт [6, с. 46].

Исследователь акцентировал внимание на том факте, что при всей генетической связанности с английской политической традицией институты свободы, получившие развитие в колониях времени их становления, имели качественно новую основу – они являли собой пример торжества «не аристократической свободы их матери-родины, а буржуазно-демократической свободы, полного воплощения которой еще не встречалось в истории человечества» [6, с. 45].

Токвиль указывал на то, что по мере своего развития и укрепления эти новые либеральные и республиканские принципы стали входить в противоречие с монархической ветвью власти, представленной центральными органами управления, с английской короной. Более того, Стюарты не только не торопи-

лись содействовать, но даже препятствовали развитию буржуазных экономических начал и политических свобод в своих колониях. «Иго метрополии» – называл Токвиль политику этой власти в отношении колоний.

Ученый отмечал, что в колониальный период истории североамериканских штатов «принцип народовластия не мог открыто появиться в законах» [6, с. 62], так как колонии еще оставались во власти метрополии. Английское господство было главным препятствием для их свободного буржуазного развития, входило в противоречие с ним.

Констатируя это противоречие, исследователь писал: «Внутри общины кипела истинная и активная политическая жизнь, вполне демократическая и республиканская по своей сути. Колонии пока еще продолжали признавать верховную власть метрополии, штаты по-прежнему управлялись по законам монархии, однако республика уже полноправно развивалась в рамках общины» [6, с. 51].

Таким образом, в обществе североамериканских штатов колониального периода Токвиль выявил сложную совокупность противоречий, обусловленных как фактом политической зависимости от власти метрополии, так и социальными противостояниями внутри самого колониального общества; противоборством между старыми феодальными основами, крупным аристократическим землевладением самих штатов, защищенными законами метрополии, с одной стороны, и новыми буржуазными экономическими, социальными, политическими началами, получившими быстрое развитие в британских владениях Нового Света – с другой.

Тем самым в американских революционных событиях середины XVIII столетия исследователь одним из первых увидел двойное сущностное содержание: в его трактовке они явились борьбой колоний за независимость от метрополии, однако в то же время и буржуазной революцией. В его концепции Американской революции отчетливо просматривается идея закономерности революционных преобразований, осмысление их как результата устойчивых, повторяющихся связей между явлениями общественно-политической жизни колониального периода.

Библиографический список

1. Согрин В.В. Конфликт и консенсус в американской истории // Новая и новейшая история. – 2003. – №3.
2. Согрин В.В. Образование североамериканского государства: новое прочтение // Новая и новейшая история. – 2002. – №1.
3. Согрин В.В. Война США за независимость как социально-политическая революция // Новая и новейшая история. – 2005. – №3.
4. Согрин В.В. Архетипы и факторы цивилизации в США // США и Канада. – 2005. – №5.
5. Болховитинов Н.Н. Американская цивилизация как исторический феномен // Американская цивилизация как исторический феномен. – М., 2001.
6. Токвиль А. де. Демократия в Америке. – М., 2000.
7. Маккарти Ю. Вновь посетив Америку. – М., 1981.